

18+

Симона Гауб

Качели

Сборник Стихов

Симона Гауб

Качели. Сборник стихов

«Издательские решения»

Гауб С.

Качели. Сборник стихов / С. Гауб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835519-6

Всю жизнь раскачивалась и сломалась: поэзия как болезнь и болезнь как поэзия. Боялась их параллельного окончания. Не то чтобы я специально доводила себя до чего-то — таков мой склад характера — чувствительный, оголённым нервом встречающий человека или событие, переворачивающий слово и мысль. Мне самой уже не понять эти качели — от эйфории к безысходности, через оттенки, лица и ситуации. Я не буду больше просыпаться с бешено колотящимся сердцем, я вращу в почву и приспособлюсь к её составу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835519-6

© Гауб С.

© Издательские решения

Содержание

Качели	6
Зелёная книга	7
Весна	7
Лето	8
Осень	10
Зима	11
Белая книга	13
На расстроенном фортепиано	13
В лето	14
Я устала бога не рисовать	15
Первый июньский ливень	16
Ладони	17
Облака плывут	18
Перламутровая книга	19
«Персиковый закат...»	19
Сердце	20
Завтра будет зима	21
«Заиндевелые тюльпаны...»	22
Моя девица	23
Корабль и самолёты	24
Февралиные бусы	25
Паучий снег	26
Губы чтоб петь	27
Алая книга	28
Красное пятно	28
Оргазма	29
Я вернусь	30
Жара всердце декабря	31
«Я зову тебя в пламя...»	32
Маяки	33
Добро с головой	34
Бордовая книга	35
Нарко-вкус	35
Город без меня	36
В стиле педовок	37
Кардиограмма	38
Бальзам	39
С хозяином	40
Текстиль	42
Препар	43
«Разложи мои чувства по ящикам...»	44
«Рассветы – лишь наша выдумка...»	45
Я была влюблена в тебя	46
Хочешь, я буду любить тебя по расписанию?	47
Лабиринты	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Качели Сборник стихов

Симона Гауб

Дизайнер обложки Симона Гауб

© Симона Гауб, 2020

© Симона Гауб, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4483-5519-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Качели

*Вот твои качели —
Ты на них взлетишь.*

*Вот твой чай.
Ты в нём потонешь.*

*Вечный дождь начнётся сразу,
Как только прекратится зима.*

Зелёная книга
А был ли я мокр?
Хокку и Танка

Весна

Вечер весенний.
Яркие листья ноют
В сладкой истоме.

Черёмух цветы —
Одна краше другой
Где незабудки?

Мая соцветия
Только к осенним дождям
Станут плодами

Два майских жука
На спортивной площадке
Игры забыли.

Лето

Луна, выходи,
Жилетку подставляй под
Ночную росу.

Летнее утро
Такое же как вчера,
Только сегодня.

Удобные клумбы.
Но ты как ни старайся —
Вьюнок прорастёт.

Комар, напиться крови —
Цель твоей жизни. Умрешь
Даже отведав.

Слова нужны чтоб
Поймать весны шарм.
Ну а для лета
Слов никаких не нужно —
Иди и вдыхай.

Поднял ветер пыль
Теперь играть хочет.
Страшно травинкам.

Бывал ли я мокр
Столь, как сейчас. Думал,
Зайдя с макушкой

В реку с тиной холодной,
Заблудший в лесу философ.

Отражение
Фонаря. Вечерний дождь.
Капли рыжие —
Тень лучистого солнца.
Неизбежная,
Так пугает меня смерть.

Осень

С солнцем осенним
Спорил один господин.
Лучом говорит
Солнце, лица касаясь.
Тенью обманут опять.

Первым снегом укрылся
Земляники куст.
Все так же резны листья,
Ягод на нем нет.
Слишком холодно.

Во тьме середины ночи
Светятся звуки.
Открыл свечение струн
Кто нашёл Черный
Внутри всех вещей.

Земля, увидав
Холод осеннего неба,
Вмиг поседела.

Что лучше – в руках
Синица или в небе
Летающий журавль?
Получишь крики ворон,
Что спать мешают с утра.

Ливни да ветры —
Бабочка-однодневка
Не знает зимы.

Зима

Лучи фонаря
Не длинны – не мешают
Гулять голубям.

Укутаюсь ноябрём,
Прилягу к земле.
Солнце упало с гвоздя,
Ружьё отсырело.
Зевнула, укрывшись в туман:
Не хочу ничего я.
Покойная ночь.

Кошки за голубями
Ныряют. Взбитый зефир.
Ввысь, к облакам синица —
В вату стукнется.
Снег с веток бархатный вниз.
Тесен потолок
Зенита зимы.

Клён гол. хочет
Хоть бы лучика с неба.
Долго до утра.

Метель кристальна.
Струны чистые – поток.
Морская пена.

Серый горизонт —
Порыв необъяснимый
Крыльев мотыльков.
.
Наг одуванчик солнца.

Метель прольётся
Прямо в сердце мне.

Белая книга

**ночную тишину не нарушают ни кнопки, ни шаги,
ни голоса. был космос так недавно упомянут,
но тишина, в какой не выживают, щемящая
началом тишина меня уже обнять почти боится.**

На расстроенном фортепиано

На расстроенном фортепиано в коридоре играли, все окна настежь, предчувствия не солгали. Как в прошлом году, помнишь – облака серые рвутся в комнату.

Мелодия тоже уводит, хватает за руку, рисует картины, разрывает пути загнивающей тины, охлаждение.

Дорожное настроение с необходимостью оставаться, драться не за что, биться, осколками пол застилать. Ветер спокоен, всё равно всё устроится, рано или поздно: молодость, ожидание, нервозность, потроха чужих бед и горечь чужих страданий, океаны водки...

Моря сводят на нет градус, моря затопляют берег – цунами, ожидаемый казус.

На расстроенном фортепиано в свежести тонут тонны тополиного пуха. Без границ и без рамок, насилие чувств над слухом, из перьев белых разрушенный замок. Тянет выслушать, вслушаться, вытянуть чужие нужды, всё, что запутано – выпрямить, только биться в осколки и распадаться мозаикой.

Не жалеть себя, а жалеть других, знаете ли.

2011

В лето

Белым – переливаются глаза,
Белым – паруса штор,
Июньский снег за окном,
Свобода.
Солнце неярко – улыбка на лице,
Солнце как свет в конце туннеля,
Солнце в каждом из нас,
Покой.
Добрые – почти как чудеса,
Добрые – пол часа хватает,
Почему так хочется смеяться?
Греет.
Чистота – больше не бедствие,
Чистота – последствие силы,
Борьбы с собой за право радоваться,
Играть.
Надеяться – даже если всё как раньше,
Надеяться – дальше только внутри
Изменения происходят, как поворот
На сто восемьдесят.
Выход – над стенами вечного града,
Выход – награда за ожидание,
Осада снимается, град освобождённый
Ликует.
Воины – куда идти пока не знают,
Воины – собирают стрелы и камни,
Люди высовываются из погребов
В лето.

2011

Я устала бога не рисовать

Я устала бога не рисовать. Слишком долго его не рисовала, может, тысячи лет, может, лишь со вчера. Я устала не рисовать – Бога. И слова снова обрели то, что потеряли, когда было страшно, как будто весь мир – иллюзия.

Но теперь слова обрели смысл, и он блещет ярче чем был, и греет теплее вечернего солнца, ведь слова зачерпнули смысл щедрой горстью из бытия.

Кто вернулся оттуда, из фантазий, которые ярче и чётче, которые нереально потрогать руками, но нельзя не потрогать сердцем – тот почувствовал ток холодка по спине.

Я устала бога не рисовать. И сегодня рисую я бога. Мне так дорого золото этой любви. Как устала его я не рисовать, как устала.

2012

Первый июньский ливень

Как будто впервые
Плачет полный стан нот,
Как первый июньский ливень.
Когда все надежды умрут,
И камни сами себя соберут,
Обрушится тотчас июнь.

Липкий взгляд прорастает в твои поры.
Мне покой будет снится за морем,
А пока твоих сказок ракушки
Ищут свободную шею и ушки.
Ливень июньский несёт
Маленький океан.

Как будто гуашью
Грубые мазки слов,
Как первый июньский ливень.
Мне больше не страшно, и я не могу молчать.
Застыло «сейчас» в ожидании рифмы.
Когда мои песни сложаются,
Об крик ржавых труб умножатся,
Обрушится тотчас июнь.

2013

Ладони

Метель забила в тишь двора,
Сияет свежий пух, нетронут.
И после холода пора
Об батарее греть ладони.

Трельяж всё тот же в простыне
И чая крошки на картоне,
И гул смятения во мне,
И дрожь, зажатая в ладони.

Остановился стрелок бег,
И вечер вязнет, тонет, стонет.

Остались фонари,
и снег,

И звук
хлопка
одной
ладони.

2017

Облака плывут

Я поняла почему облака «плывут», и скалы облачные, валы, каньоны движутся тоннами по масляной плёнке голубизны. Я поняла, почему так легко кончаются сны, поняла, почему собирает цветок бутон.

Я поняла, почему говорят, что они плывут, не летят, не едут и не скользят. на кораблях этих места хватает каждому. там и тут перья висят. И я поняла, от чего они влажные.

Я поняла, почему облака – это дёрн для тех, кто успеет взрасти наверх. Я поняла, почему люди лгут, но правду не сдерживают ничем.

Я поняла, зачем Бог завёл механизм, в котором под музыку движутся облака, а мы все лишь живём под ним, и держим творение на рогах. А мы всего лишь крови бока, всего лишь радости минус страх, всего лишь маленькие пока, в моментах опасных заставленные моргать.

2017

**Перламутровая книга
Вижу вещие сны и пропускаю февраль
сквозь пальцы. Зима тает тихо, тонко,
да очень быстро, как белая нитка.**

«Персиковый закат...»

Персиковый закат
Мягкою мокрою кистью.
Кто же из нас виноват,
Что он между нами нитью?
Розовый горизонт,
Мягкие линии края,
В сиянии вечерних волн
Запах забытого рая.
Запах свежей травы,
Запах спешащего лета,
Тишь голубой синевы,
Искорки рыжего света.
Серое облако дней,
Шипящий напев резины.
А в голове моей
Пристани и дельфины!
Персиковый закат...
Он между нами нитью!

2008

Сердце

В лучах розоватых как пар золотой
Я помню, фигуры людей растворялись.
Но сердце болело обычно тобой,
И мысли с разгону об стены швырялись,

И листьев огни под безжалостным льдом
Как тысячи злобных взбесившихся фурий.
А осень бродила под красным дождём,
И в лужи роняла кусочки лазури.

Твой ласковый шёпот дарил мне покой
Но этого было убийственно мало!
Тогда ты унёс моё сердце с собой,
Чтоб больше оно ерундой не страдало.

2008

Завтра будет зима

Твой взгляд не скрывают ресницы, твои руки тянутся к тёплому. Всё в тебе ощущает приближение неизбежного. Даже сквозь плотную повязку ты видишь, даже сквозь прогнозы и дни.

Завтра будет зима. Завтра будет снег.

Я не смею прервать этого шёпота, когда пеплом об асфальт снег, ты хочешь быть поднебесным ангелом и смотреть шестью чувствами, и подпевать двенадцати ветрам.

Завтра будет зима. Завтра будет метель.

Наполовину увязнут ботинки в белом, наполовину лицо скрыто волосами. Когда будет чуть холоднее, чем хотелось бы, когда сплетутся голографией туманы в вечерних сумерках.

Завтра будет зима. Завтра будут облака.

Только тогда это чудо будет возможно. Только тогда сердцами перестукиваться станем. Каждый за своими ставнями, каждый свои свечки ставит, у каждого свои петельки.

Завтра будет зима. Завтра будут узоры на стёклах.

Я буду улыбаться, мне будет спокойно. Всё суетное вдруг остановится. Кроме твоих глаз, кроме твоего голоса ничего не услышу. И будет падать снег. И будет легко.

Завтра будет зима. Завтра будет утро.

2010

«Заиндевелые тюльпаны...»

Заиндевелые тюльпаны
Сплету в узор холодный слов,
Спою про синие туманы
На мятной сети городов.

Когда опять в уставшем сердце
От бунтов, бурь и от тоски
Зажгутся чувства красным перцем,
Я обниму метель в тиски.

Зимы листы в холодных далях
Вдруг расцветятся в радуг вязь,
Их отчеканят на медалях,
И «за покой» вручат, смеясь,

Нам всем небесные пожары,
И глянет неба чернь без глаз,
И утра наготу в тот час
Разбавит розовость гитары.

2014

Моя девица

Запах дождя,
грома раскаты крошатся.
Умеешь ли ты быть одна,
моя хорошая?

Наискосок шпарит серая вода,
умывает деревца.
Видишь ли ты все еще чудеса,
моя девица?

Небо, как с черно-белой фотки,
вдалеке шум. Мурашки.
Сможешь ли ты пройти через горизонт
мутный и шаткий?

Умеешь ли ты смеяться,
моя лапушка?
Дождь оставил глубокие борозды
на серебре радужки.

2016

Корабль и самолёты

Пузырится закат, золотыми и красными брызгами.
Мой корабль на якоре плещется по стеклу.
Всё что было, как будто снится, давно забытое,
Но теперь вспоминается.
Светом пускаются вглубь
Под стекло, переполнены трепетом, руки.

А в небесном шатре твоих самолётов следы
Так бесстыже видны. А в небесном шатре
Есть сундук мертвеца,
и он полон волнительной ерунды.
Там улыбки, там снег,
там собачьи следы во дворе,
И глаз твоих прямота несмешная.

Пузырится закат, закипает во мне облаками,
Мой корабль так хочет сняться с цепи наверх,
И плыть, за твоих самолётов следами,
Над туманом, и так,
чтобы гладить солнечный мех
Неистовых красок.
Поднять якоря!

2017

Февралинные бусы

Вижу вещие сны и пропускаю
февраль сквозь пальцы.
Зима тает тихо, тонко, да очень быстро,
как белая нитка —
Тяну её через месяца ледяные пяльцы,
Стежками кладу в горизонта линию зыбкую.

Февраль уплетает за обе щёки
сказок и бусин ряды.
Небо волнительно жмётся теменью
к краю холма.
Новые дни тонут в свежем снеге,
едва оставляя следы,
Новых путей узоры рисует
в ладонях моих зима.

Всё это совершенство, смирение,
благодать и покой
Сыплется с веток приветливым
радужным блеском.
До всех неземных прозрений
отсюда подать рукой,
А благ земных утешение прячется
в веер минут нарезкой.

2017

Паучий снег

Земля кушает небо. Слов вереница
Лежит на столе коралловой ниткой.
Глухо отсчитывает секунды
Редкий пахучий снег.

Молчание греет ладони. Кости скрипят,
Гнутся под ветра легато.
Пыль застиляет прошлое,
Как редкий паучий снег.

Тучи таможат солнце. Мечт семена
На подоконнике ждут дождя,
Может быть лета треск их
Или редкий получит снег.

2017

Губы чтоб петь

Небо под током, гудит как туннель-труба.
Каждое дерево может напеть про смерть,
Каждая нитка может достать рапан
Из нескрытых рек.

Отдых под шляпкой неведомого гриба
Превращает безвременья мякиш в твердь,
Скоро раздастся его мольба,
Подожди пять сек.

Небо под током, и кружевом провода,
Метит облако слепо и не туда,
Всё испаряется, как с моих глаз вода,
Это судьба.

Всё по порядку, останешься ты сопеть,
Слушать песни про старости боль и твердь,
Хрусткую музыку шагом примял медведь.
Губы чтоб петь.

2017

Алая книга
Я зову тебя в пламя, как щенок,
тербящий покойника ногу.

Красное пятно

Красное пятно на белоснежной скатерти —
вино.
В красном пиджаке бедняк на паперти.
смешно.

Красный день календаря среди будней серых.
выходной.
Красные пощёчины на двух ланитах белых.
мне одной.

Красная смородина меж белыми и чёрными —
случайно.
Пламя красное пылает над трущобами.
печально.

Крови красной лужа – нож и человек.
статья.
Красное пятно, что красит серый век —
я...

2007

Оргазма

Я хочу, чтобы весна схватила этот город за яйца, перебирая пальцами и улыбаясь и чтобы он кончил от мысли о свежих листьях. Когда прохожие пелятся – чтобы стонал, тёрся ветром о провода. И чтобы таял. И чтобы вода!

Солнце старалось длинными пальцами, бесстыже щупало сугробы дорог, ненароком задевая бордюры и кашеобразные лужи. Хочу, чтобы эти широкие магистрали блестели от талой влаги, играли, лоснились в потоках миндального масла. Держать всё в себе – это гораздо хуже.

Персиковые ворсины веток с росой наручниками мостов пристёгнуты к вскрывшимся рекам. В глазах наших окон испуг вперемешку с похотью и экстазом, что человеком не контролируется, что вызван особым запахом весеннего воздуха. Его дозы варьируются от сотен литров до считанных миллиграмм.

Облака скользко тёрлись о купола храмов, Луна плакала от счастья, пошло улыбаясь растущим месяцем. В воспоминаниях прошлого тесно, поэтому вечером свежестью вздуются шторы, сломаются створки окон, холод скрутит тебя с одеялом в кокон, и донесёт сюда семена полосатых башен.

Не так уж смешон и страшен в оргазме любимый город.

2010

Я вернусь

Я вернусь в пламенный океан неба, в безумии теряя точку опоры. Моя музыка заставит каждого прыгнуть в огонь. Мои годы сгорбились и скрутились в спираль, ты сидишь напротив – жаль, что тебя здесь нет.

Одиночество не должно быть развеяно, клянусь временем – жарко от этих нот, тоскливо, гроза зла, но плаксива на удивление, дождь безразличен. Только горящая полоса заката кричит мне. Неумолимо приближается дата молчания истинного. Деревья панически шепчутся, словно услышали выстрел, а это всего лишь гром.

Потом – завтра, послезавтра может, после завтрака, после запаха тополиного тлена, я вернусь в пламенный океан неба. Губы, шепча стихи, истлеют, губы движутся, хрустят угли: по трубам, по трупам, по тропам, по тромбам... Потом я зажарюсь в свёртке из одиночества и сомнений, из ярких предчувствий.

Земля, пьяная устрица под языки листьев прячется от скрипа асфальта, и фальшь голоса – гастритная памятка, может... Этот момент всего лишь вечность, банально, но честно, и явственно, пресно, как надо, тополей пьяная колоннада на закате в грозу играет тревожную клоунаду.

2011

Жара в сердце декабря

Так тепло и приятно смотреть в белый экран и ждать. Падая на кровать, вляпался втихаря в моё протрезвевшее время.

Я же знаю, что ты спрятался в сердце возмущений ревущего декабря, в этой шаткой и гулкой системе. И мы по цифровому коду прошли и весну опередили – ты делаешь камни зимы пламеннее всех костров Сицилии.

Вьюга и время, мороз щиплет сухие руки, в твоём имени тысячи букв, я в себе заключаю морали недуги многие, синяки на теле, и аллергию на невозможность врать.

Всё наше лучшее в лифте, отчаянно за плечи хватать. Отказаться от чая боюсь. Всё равно подчинюсь, как бы не бесновалась, и на каждый раз нужно выдумать новые коды.

Предложи мне секс, вечность и бутерброды, и заставь выбирать только что-то одно, может, то, что больше знакомо – покрасневший нос, серое небо, его холода и твоей теплоты неочевидная связь.

Мы вышли из дома, и показалось, что весна началась.

2011

«Я зову тебя в пламя...»

Я зову тебя в пламя.
Завлекаю я знаков тайным узором.
Я хочу между нами
Вновь посеять рябое, штормящее море.

Возжигается, тлеет
Ритуальный костёр в безразмерной пустыне,
И сигнально дымит он,
Чтоб дорогу сюда не забыл ты отныне.

Но ты знаешь все коды.
У тебя на вопросы мои есть ответы.
Все прошедшие годы
Ты вытравливал сказки, ты жил только этим.

Я зову тебя в пламя.
Как щенок, теребящий покойника ногу.
Неуёмная память
Не даёт мне забыть это хоть ненадолго.

Я же помню так ясно:
Пробивая все стены, как тайфун, как цунами,
Сотню сказок назад
Ты позвал меня в дикое, красное пламя.

2016

Маяки

Пела песни я о молчании,
Танцевала за упокой.
Мои годы журчали чаем,
Моё время текло рекой.

Я попробовала прощение —
Оказалось пресным на вкус.
А страдания угощением
Подала на трапезу муз.

Я в ночи внимательно слушала,
Как обходит меня беда.
И обида меня не мучила
Своей горечью никогда,

Только сердце хотело заживо
Тлеть, пылать ароматом слез,
И отважно бросаться в слаженный
И порядочный дел мороз,

Поджигать его, как промокшие,
Отсыревшие в дождь сучки,
И для нового тропы сложные
Открывать, топтать вопреки.

И на земли, ещё не хоженные
Устанавливать маяки.

2016

Добро с головой

Будь собой —
Добро с головой,
С лицом Винни Пуха,
С руками убийцы.
С глазами жрицы любви,
С превышенным жаром в крови,
И с Солнцем между бровей,
И с Солнцем между ног,
И смехом, сбивающим с ног.
Абсурдно, насколько мог,
Старался с собой быть на Вы —
Добром, но без головы.
С руками убийцы
И с жаром внутри.

2017

Бордовая книга Смотри на город без меня.

Нарко-вкус

Твои губы на вкус... не отпускать.
Потом биться в экстазе, стонать. Потом вспоминать...
Один раз попробовав твои губы на вкус, не смогу мыслить как раньше. Плюс только в том,
что уже не хочется буйствовать, насиловать людей, страх чужой чувствовать, боль... потом –
вспоминать, биться в экстазе, бежать,

От себя...

За тебя...

Просто знать,

Что всё стало серым.

.....

Один раз попробовав твои губы на вкус,
всегда будешь за дозой
Бежать.

2008

Город без меня

Смотри на город без рекламы,
Смотри на город без меня,
Ты не поймёшь, что поменялось,
Чего уже вернуть нельзя.

Смотри на серые дороги,
Смотри на ветреные дни,
На жёлтый лист – смотри под ноги,
И на лиловые огни.

Тебя не радует, что солнце
Не видно, если дождь идёт,
Твой взгляд страшнее всяких монстров,
Когда по пустоте плывёт.

Смотри на блеклые рассветы,
Смотри на синие мосты,
Смотри на город без рекламы
И в клумбах вялые цветы.

Смотри, как осень убивает —
Как элегантно, невзначай.
Молчу, ни слова не роняю;
Смотри, смотри и забывай.

2009

В стиле педовок

Аллелуя... в полуденном парке
Я уже не найду теплоты,
Мокрых листьев – бронзистые шкварки,
Из под зонтиков взгляды – не ты.

С частотой двадцать восемь на тридцать
Накрывает дороги волна
Из мурашек и пара. И рыскать
По карманам полезли тепла.

Ты меня никогда не согреешь.
Всё равно, с дрожью в пальцах – люблю!
Всё равно буду. Буду я, веришь?
Бьётся на тормозах по нулю.

Если осень раскрошится пылью,
Если дождь постучит за спиной,
Полудрёмой, невиданной былью —
Всё равно я пойду за тобой.

И топтаться в воде остановок,
Под балконом, в окне, у двери,
В стиле самых позёрских педовок
Будут мокрые кеды мои.

2009

Кардиограмма

Листья золотым ломом рассыпаны по уголкам асфальта. Ты бесишься, но не плачешь – и то радость. И я забываюсь, когда мы вместе, оттого что кажется – так и должно быть.

Луна пялится, голубым глазом палит, не обращай внимания: она просто завидует, потому что видит, как внутри у меня – счастливо... Но на косинусоиде улыбки отчётливо начерчена, и потому проступает вторая стадия разложения – когда ничего не выходит, но всё ещё хочется... Нитками разматывать одиночество, пить из воздуха смерть и осень. И облака – их ровно восемь. Мы валяемся на асфальте, мокрые, ввысь просимся... И... Suddenly!!!

Этот салют – спасибо огромное (!) заглушил слова – [это мои мечты разрываются]. Они не разрешают качаться в волнах спокойствия. Они бьют...

Они сказали мне, что наивность это плохо, что она не избавит от честности разговоров, что это удел другого лоха, а я пресное тесто, и мне следует чётко знать своё место. Если мы снова встретимся, может быть, мне тогда хватит прямоты, честности, упрямства извечного и безрассудства для чистосердечного...

Тук-тук-тук...

Кардиограмма.

2009

Бальзам

Как только ты сможешь – люби меня слаще,
Дрожат твои руки, ты просто привык.
Ты хочешь быть мифом, но ты настоящий,
Во рту не кинжал, а обычный язык.

↓

Но я буду верить в те тысячи сказок,
Что ты мне однажды доверил хранить.
И что будет лучше – всё небо в алмазах
Иль звёзд мириады и млечная нить?

↓

Целуй меня глубже, входи в моё тело
Как копья героев пронзают врагов.
В твоём заклинании слово кипело,
В моей голове – ядовитая кровь.

↓

Печать равновесий – ты хочешь ответов,
Но битвы твои отшумели в тылах,
И ты, как пылинка по щёлочке света,
Планируешь вниз на жучиных крылах.

↓

Снимай же доспехи, с тенями не бейся,
Не думай, что кто-то захочет напасть,
Не сдерживай слёз, если хочешь – посмейся,
Я дам тебе самую мягкую страсть.

↓

Как только ты сможешь – целуй меня глубже,
Позволь раствориться в дыхании твоём.
Я буду бальзамом, строптивые души
Всегда отравляющим мирным вином.

2009

С ХОЗЯИНОМ

Я помню, как твои ноги тонули в листьях,
Я помню, как ветер был зол и расстроен,
По станциям холод, во дворах же довольно спокоен.
Но мы были вместе, уже соблюдая дистанцию.

Мурашки сквозили по стану утренних линий.
До вечера нового дня консервация страха —
Рассвет очень любит топить мои радости в формалине,
Ты – шорох листвы, а я позади собакой.

Ветки тогда ещё не были голыми, помнишь?
Не покрывались инеем, но ответ был ясен—
Спасён будет тот, кто негласен. Ты этого ждёшь.
Ты водишь по стрелкам, по рельсам своих коридоров.

Не скоро, зато потом – и ты согласишься тоже —
Мы можем быть одним существом, но не долго,
Мы можем глубже, чем кожа к коже сливаться.
Мы можем пытаться понять друг друга, но не до конца.

Когда прозвучат серых птиц голоса по сотовой связи,
Когда ты ещё один раз сожмёшь мою руку,
Я тихо оплавлюсь и больше не дам себя обмануть.
Науку такую преподают ночи бок о бок. Но суть —

Когда ты увидишь солнечный свет через шторы —
Меня рядом уже не будет, не будет боя старых часов,
Не будет того, что изменить ты можешь.
Качаясь на лентах снов, я отправлюсь жить.

В тот день было скрыто за облаками солнце,
В тот день у меня не было сомнений,
что твои ладони моих теплее.
В тот день столкнулись кометы и пыль созвездий.

Сжимаю трамвайный билет в отогревших пальцах,
Ран нет, в ушах речи ещё отдаются эхом.
Думаю только о нашей последней встрече.
Грустить или каяться?
Наркотически или, может быть,
Алкогольно?
Деревьям ведь холодно и немного больно,
А ты для меня всегда как вечная осень,
Как плесень с коры старых сосен, идейно-наивная,
Готовая умирать за вьюги и звонкие ливни.

2010

Текстиль

Текстиль. Мысли и чувства тактильны, острый недостаток прикосновений, объятий и мягкости. Не по порядку приход гостей, далёкие рожи. Чешется, не даёт уснуть раздражённая кожа. Одиночество – волдыри, грусть – красные пятна. Теперь посмотри – понятно? Смерть на порядок выше, и не надо за ней тянуться. Трудно уснуть, трудно проснуться.

Календула снов, ромашки событий, пунцовые ядра рододендрона, сухой подорожник открытый, воспоминания прошлого, всё по канону. Бьют по щекам вёслами, стучат маслянистыми крыльями хлёстко по реальности здесь и теперь. Ждём жар-птицу – открыта дверь.

Словно зверь, загнанный в клетку, тоненький волосок на свету искрится, белой нитью приснится, сверкая в полях Италии и в горах Тибета. Песни уже спеты, что раньше питали.

А теперь, пожалуйста, не кричите, дайте текстиля чужой кожи, шёлка, парчи, бархата, или хотя бы твида, джинсы потёртого вида. Никто здесь не ждёт на белом коне принца, все ждут, пока на покой закроется занавес, чтобы прижаться щекой к тёмно-красной ткани чужих танцев, такой пыльной и много помнящей.

Вечер выдался холодный, растёт не по дням. С запахом отравы, что дают кобелям. Мразотные полосы дна, вспышкой – далёкая весна, ренессанс событий и аналогий, экспериментов, сравнений. Тут просто – либо звук, либо трение. Ноты-губы-текстиль-раскраска, не обижайтесь только на мой неласковый, в основании надломленный стиль.

2011

Препар

Грудная клетка спрятала три чистейших граната. Огромных, живых, трепещущих, робких. Боятся мира и света, сидят в коробке, фильтруют кожей сигналы внешние.

Ветры вешние придают любопытства и смелости. Напиться чистого спирта воздуха, мшистой прелости, пряности, вкусоности, и забраться внутрь тебя, посмотреть на твои внутренности. А там уж по ситуации – вскрыться, пришить, срастись, или напачкать, чем-нибудь заразить.

Лёгкие тревожно дрожат, только очень медленно. Сердце в алом сиропе лесных ягод, в бликах белых. Кости зловещи – хотят меня отпугнуть, но я продолжаю путь, мне не страшно обхватить позвоночник рукой, без перчаток даже. Пусть это будет самый глубокий мой поцелуй.

В подробностях анатомических я тебе его нарисую.

2011

«Разложи мои чувства по ящикам...»

Разложи мои чувства по ящикам,
И отдельно – всё настоящее.
Не заметили мы, но играя в пьянящие
Салки весны, всё растоптали.

Разложи мои чувства по ящикам,
Самые ценные – снизу, строим,
Так, чтобы их не найти посторонним,
И не шагнуть с карниза.

Земля оденется в белые ризы
И обогрится рубинами свежей, горячей.
Рассортируй мои чувства по ящикам
Первыми, а слова потом.

2011

«Рассветы – лишь наша выдумка...»

Рассветы – лишь наша выдумка,
Их отменить так легко,
Как шарик падает в выемку
И льётся на пол молоко.

И в драме, что пишет сознание,
Обвенчаны мы давно,
И в жизни из всех состояний
Нам лучшее не дано.

Тревожно на тихих улицах,
И давят мешки облаков,
И дымом извечным курится
Не-здесь-не-сейчас-любовь.

На ветках остались искорки
Того, что горело в тебе,
И что для меня невысказано.
Души не бывает две.

И если бы в маленькой комнате
Я не зажигала свет,
То и фантазией полностью
Меня б не вырвало, нет.

2011

Я была влюблена в тебя

Я была влюблена в тебя, ещё когда огромные глыбы льда не напоздали на нагло дразнивший их берег. Не спала по ночам, неуклюже тасуя в усталых руках тысячи вариантов.

Я была влюблена в тебя так же сильно как влюблена сейчас, с той лишь разницей, что права обнять тебя не имела, не имела права тебя провожать, когда ты уходил.

Я была влюблена в тебя ещё в ту пору, когда мои пальцы случайно задели те самые клавиши фортепиано в рандомном порядке, и во всех уравнениях икс равнялся печаль.

Я была влюблена в тебя, даже тогда, выбирала пути и расставляла ловушки, и когда говорила тебе о чувствах в смягчённых формулировках, то сама себе я казалась похожей на Анну Каренину, готовую прыгнуть под поезд, который сейчас подойдёт. А ведь могло быть и не по пути.

Я была влюблена в тебя, сдаётся мне, уже когда родилась, но тебя рядом не было, поэтому я разразилась истошным криком.

Я была влюблена в тебя, даже когда всех разлюбила, было страшно считать, что кто-то мог бы придумать мою жизнь, забыв вписать и тебя в эту рваную повесть.

Ну и чем, скажите же, это – не доказательство бытия бога?

2012

Хочешь, я буду любить тебя по расписанию?

Хочешь, я буду любить тебя по расписанию? Хочешь? В моей груди будет становиться тепло, если ты рядом, а уходя, мы выключим свет. Хочешь, я поверю во все чудеса разом, когда услышу, как ты дышишь во сне, а на следующий день опять всё будет по-прежнему? Хочешь?

Ты не умеешь любить, но в этом есть для меня какой-то вызов. Как будто бы я, считая себя в деле любви мастером, сделаю невозможное. Как всегда. Я люблю делать невозможное для тебя.

Мой живот нагреется, пои пальцы растают, когда я увижу твою улыбку. Моё сердце раскроется, чтобы показать тебе, что бывает внутри. Ты думаешь, «у меня внутри» – это что-то пошлое, это какой-то сальный намёк. Но ты просто не умеешь любить.

И все наши камни, и чашки, и клетки, и органы умрут, когда я уйду. Когда за мной закроется дверь, у них не станет души.

Хочешь, я буду любить тебя по расписанию?

2016

Лабиринты

Фонари разматывают клубки воспоминаний. Уютные руки, тепло, стук сердца, стыкуемся как влитые. Много могу найти себе оправданий. Но было так близко, клеилось склизко, жалелась ли ты? Я —

Да, хотя и не вижу альтернативы. Остаться вместе было нам невозможно, говорила мама, под кожей мы существа из разных миров. Ты оттуда, где падают и горят красиво, я оттуда, где простое сложно, а сложное – это как?

Фак де полисе, Мама, ама криминал, ама крип, лал. Умею наламывать дров и разрушать то, что дорого. Не привязываюсь к вещам, ничего не помню.

Мне наверно, вселенная сыпанула тебя в ладони как отменного героина, она хотела, чтоб я хоть на что-то в этой жизни подседа. Ванильные шутки про личный сорт, руки проходят сердце насквозь, милорд, улыбка срывает кожу, и искры в глазах толкают в открытый космос.

Но я все равно ушла. Прикольно, да? Рек бурлящая полнота и морей тоскливая даль лечат меня теперь. Ты не врывается в этот мир и вежливо не стучишься, тебя просто нет, ты бредовый сон, розовый слон с рельефом ключиц, с запахом сказки. Ты не реален.

Однажды мой Бог приказал мне не оставаться, не останавливаться. Как пляшут медведи на раскалённом железе, так я бегу по потокам ветра. Я заколдованная маленькая леди в башмачках из заговоренного фетра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.